

АЛЕКСАНДР ДАРКОВСКИЙ

ПЕПЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

ВОЙНА ТЕНЕЙ

18+

КНИГА ВТОРАЯ

Александр Дарковский

**Пепельный закон.
Книга 2: Война теней**

«Автор»

2026

Дарковский А.

Пепельный закон. Книга 2: Война теней / А. Дарковский —
«Автор», 2026

В этом мире не спрашивают «почему». Спрашивают «как» — и то шёпотом. Три месяца назад Даниил был физиком. Теперь он Каэль, подмастерье мага, и идёт на восток — туда, где горизонт закрыт стеной черноты и откуда не возвращаются. У Даниила нет ни силы, ни магического дара, ни шансов. Есть только привычка разбирать любую систему на части и искать в ней слабое место. Оказалось, у магии оно тоже есть. Оказалось, у спящего бога — тоже.

© Дарковский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Дарковский

Пепельный закон. Книга 2: Война теней

ПРОЛОГ

Под миром спит то, чего нельзя убить.

Оно лежит глубоко, глубже всякой шахты и всякой могилы, свернувшись во сне так плотно, что за тысячу лет стало неотличимо от камня, и всякий, кто спускался посмотреть, возвращался с одним и тем же: это не пещера и не порода, это спит. Убить его пробовали — и не вышло, и об этой попытке внизу до сих пор напоминает выжженная полоса камня, которую никто не подновлял тысячу лет.

Его можно только держать спящим — и для этого тысячу лет назад двенадцать человек сшили край его сна. Как сшивают рану, которую нельзя вылечить: чтобы не расплзалась.

Один из тех двенадцати всё ещё сидит внизу и держит шов.

И в третью зиму шов начал расходиться.

Заметил он это не глазами — глаз внизу не было, там не на что смотреть, — а руками: где вчера держало, сегодня подавалось, как подаётся гнилая нитка, если потянуть.

Шов был тёплый. Он всегда был тёплый, как чужая кожа под пальцами, и в тех местах, где расходился, из него шло наружу — не воздух и не свет, а что-то, от чего немели ладони и на языке делалось сладко. Он знал этот вкус: так пахнет человек, которого жгут. Он не помнил, откуда знает. Подтянул, прошёл дальше по краю, нашёл ещё одно место и подтянул там, и ещё через сотню шагов, и ещё. К вечеру — если наверху был вечер — таких мест набралось девять.

Тогда он сел и стал считать — считать он ещё умел хорошо, а больше почти ничего, — и вышло скверно: раньше на день работы приходилось одно место, много два, а теперь девять. Значит, наверху что-то переменялось, и переменялось сильно, а что именно — снизу не проверишь. Он приложил ладонь к шву и стал слушать — так, как слушают больного: не ухом, а всей рукой.

И слышал молот.

Не молот, конечно, — звуков тут не бывало уже давно, но иначе назвать это не выходило: наверху, далеко, кто-то бил. Редко. Потом чаще. Потом так часто, что удары слились.

Люди убивали друг друга.

Приложив ладонь плотнее, он различал и помельче: как кто-то долго и старательно бьёт — раз, ещё раз, ещё, — и как перестаёт; как воеет женщина, и вой этот обрывается на середине; как молодой голос повторяет одно короткое слово, всё быстрее, а потом смолкает.

Всё это шло вниз, к нему, и дальше — к спящему. И спящему было хорошо.

Это его не удивило — люди убивали друг друга всегда, и шов был рассчитан на это. Удивило другое — сколько. Их наверху стало очень много, и они делали это очень часто, и, главное, они перестали закапывать.

А то, что внизу, — питалось.

Ощутил он это той же ночью: спящее шевельнулось. Не проснулось — шевельнулось, как шевелится человек, которому под утро стало неудобно лежать. И по всей длине шва, на дни пути, разом ослабили узлы.

Работал он шесть суток не отрываясь, заштопал, сел — и впервые за тысячу лет понял то, чего не понимал никогда, потому что раньше в этом не было нужды: он не успевает.

Один человек, кладущий знак за знаком, не поспееет за сотней тысяч людей, которые наверху рвут.

Тысячу лет назад их было двенадцать.

Помнил он это точно, потому что число берёг — двенадцать, — а больше почти ничего не сберёг. Ни имён. Ни лиц. Ни того, была ли у него семья. Даже собственное имя ушло однажды, как уходит вода из треснувшего кувшина, и он не сразу заметил пропажу: имя — это то, чем человека зовут другие, а других не было.

Их не выбирали — их собрали, наспех и без разбора, как собирают людей на пожар.

На востоке третий год не родила земля. Сперва решили — засуха, потом — порча, потом перестали решать: пахали, и из-под лемеха шёл пепел. Не зола от пожарища, а мелкий серый пепел, будто там что-то горело давно и глубоко. Скотина, попив из тамошних колодцев, ложилась и не вставала.

А потом на выселках у Старого Брода поднялся покойник. Своими ногами дошёл до дома, где прожил сорок лет, и стоял под окнами до рассвета, пока его не сожгли.

За зиму таких стало одиннадцать.

Никто не понимал, что происходит, — но всякий, кто ходил на восток, возвращался с одним и тем же словом: там что-то есть. И оно ближе, чем было в прошлом году.

Рассудили так: мёртвый сам не встаёт. Если встал — значит, им кто-то двигает, а на чужую волю в мёртвом теле есть одно средство, известное с незапамятных времён: знаки.

Их вязали по деревням от порчи и от падежа, вырезали на притолоках и на скотых ошейниках, и хороший знак умел одно — не пускать в дом то, что ходит ночью. Никто не считал это высоким искусством. Так, ремесло вроде коновальского: помогает через раз, но других средств нет.

Вот таких и собрали — тех, кто вяжет знаки и у кого хоть иногда получается. Четверо от храма при Старом Броде, трое кузнецов, знавших клеймо, книжник, две бабы-повитухи и двое, про которых он и тогда не знал, откуда они. Никаким орденом они не были: ордена тогда не существовало, и слова такого не было. Просто двенадцать человек, которых не жалко.

Взяли с собой, что берут в дорогу: припасы на полгода, факелы, верёвку, железо в полосах и прутьях — кузнецы настояли, — шнур, воск, мел. Никто из них не знал, что там внизу и понадобится ли всё это вообще.

Место нашлось само.

Искать, впрочем, и не пришлось: на восток шли, пока шла дорога, а когда дорога кончилась, шли на пепел — он делался мельче и глубже, и в конце уже не хрустел под ногой, а пылил. Три дня по такому. На третий им попались камни, поставленные стоймя, — семь штук в круг, замшелые, старее всего, что кто-либо из них видел. И в середине круга был провал.

Он не походил на пещеру. Края у него были ровные, обтёсанные, и вниз уходила лестница — вырубленная в чёрном камне, широкая, с гладкими от чьих-то ног ступенями.

Об этом они говорили полночи, потому что лестницу такой длины не рубят за год и не рубят вдесятером. Значит, кто-то ходил сюда раньше. Значит, ходил долго и много раз. И значит, перестал.

Спускались четыре дня. На четвёртый кончились факелы, а лестница не кончилась, и старший — тот, с обожжённой рукой, — сказал: «Значит, дальше в темноте, братья. Наверх нам всё равно нельзя».

Внизу оказалась не пещера. Внизу открылось пространство без стен — ни потолка, ни дна, ни эха, — и в этом пространстве лежало оно.

Слова для него они так и не подобрали ни тогда, ни за все годы после: не тварь, потому что твари меньше и злее, и не бог, потому что боги, как известно, слушают, — а это лежало и не слушало ничего. Вокруг него на много дней пути земля обратилась в пепел: не выжжена, а именно в пепел — просто оттого, что оно тут лежало.

И оно дышало — медленно, глубоко, как дышит спящий, которому снится долгий сон: раз в двенадцать ударов сердца по пространству проходил ток, от которого волосы вставали

дыбом, во рту делалось солоно, а человек, стоявший в эту минуту неподвижно, чувствовал, как у него самого сбивается сердце — и подстраивается.

Убить попробовали в первый же день, потому что для того и шли.

Встали кругом и положили на камень всё, что умели: двенадцать знаков разом, каждый на своём наречии — храмовые, кузнечные, бабы. Одни жгут, другие рвут связь между волей и телом, третьи просто не пускают. Против поднявшегося покойника хватило бы одного.

Оно даже не проснулось.

Старший потом сказал, что это было как ударить кулаком по горе и ждать, что гора отойдёт.

Ничего они не придумывали. Они делали единственное, что умели, — и однажды это сработало.

Умели они ставить знак, который не пускает. Тот самый, деревенский, с притолоки. И когда стало ясно, что убить нельзя, кто-то — он не помнил кто — со злости положил такой знак прямо на камень, у того места, откуда сильнее всего тянуло холодом.

И оттуда перестало тянуть.

На ширину ладони, не больше. Рядом тянуло по-прежнему. Но на ширину ладони — перестало.

Они просидели над этим полдня. Потом положили второй знак, впритык, чуть внахлёст, — и не пустило уже на две ладони. Тогда книжник сказал вслух то, что все уже думали: значит, надо идти по краю и класть знак за знаком, пока край не кончится.

Край не кончился ни через день, ни через месяц.

Знаки не рисуют на голом камне: их выкладывают. Кузнецы били из принесённого железа тонкие полосы и гнули их по форме; храмовые вязали своё из шнура и волоса; бабы плели из чего придётся, и у них, к общему изумлению, держалось не хуже. Материал был не главным. Главным было положить правильно и замкнуть — не оставить в узоре ни одного разрыва, потому что через разрыв текло, как течёт вода в приоткрытую дверь.

Так это и легло: знак к знаку, внахлёст, длинной цепью по всей кромке.

Зачем они это делали — знали с самого начала, ещё до спуска.

Дорога сюда всё им и объяснила. Чем ближе к этому месту, тем хуже: сперва просто неурожай, потом пепел из-под лемеха, потом павшая скотина, а на последних выселках, до которых они дошли, покойников уже жгли не хороня. Дальше жилья не было вовсе.

Беды расходились отсюда кругами, как круги от брошенного камня. И камень лежал внизу, у них под ногами, и дышал.

Так что искали они не причину — причину они видели. Искали способ её унять.

А есть ли от знаков толк — проверяли по дыханию, потому что больше не по чему было.

Дышало оно раз в двенадцать ударов, ровно, как ходики. Там, где знаки лежали замкнутой цепью, дыхание становилось глубже и реже — так дышит человек, которому наконец удобно лечь. А там, где в цепи оставался разрыв, оно частило и мельчило, и от этого места несло холодом.

Дальше стало проще: замкнули участок — послушали. Ровнее? Значит, легло правильно, идём дальше. Мельчит? Значит, где-то не замкнуто, возвращайся и ищи разрыв.

Так они и шли по кромке — три года, на слух, как идут по стене в темноте, ощупывая ладонью.

И только на второй год кузнец, самый молчаливый из них, сказал у костра то, о чём никто не думал вслух: а ведь если оно от нашей работы дышит глубже — значит, там, наверху, кому-то сейчас легче. Мы про это не узнаем никогда. Ни имени, ни лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.